

3. Публикации

А.Г. Алексанян

«Учение света» в Китае: аспекты изучения этапов инкультурации

Целью статьи является выявление основных черт и наметка возможной реконструкции процесса инкультурации манихейства в Китае, при этом особенно важными для этой реконструкции представляются стратегии и методы инкультурации в самом широком смысле этого слова: начиная от терминологических и переводческих установок и заканчивая «глобалистскими» стремлениями лидеров манихейской церкви, выросшими на основе «развертывающегося» типа учения¹, имеющего своей

¹В данном случае под «развертывающимся», *эволютивным* (лат. *evolutio* – развертывание) типом учения (философского или религиозного) подразумевается такой тип идеологии (чаще – религиозного учения), которое в своих устремлениях носит открытый проповеднический характер и направлено на привлечение (*in sensu religioso* – на обращение) максимально возможного числа людей, независимо от пола, нации или социальной при-

прозелитической целью не узкую этническую или социальную группу, но (в идеале, конечно) весь мир, всех людей (эти «глобалистские» тенденции отчасти можно объяснить т.н. феноменом «осевого времени» по Карлу Ясперсу, т.е. того периода, когда происходит смена устаревшей идеологической парадигмы, в данном случае узкоэтнических представлений примитивного характера², новой – появлением религий «спасения», религий личного духовного опыта).

Напомним, что же представляет собой **инкультурация**. Сам термин позаимствован нами из терминологического лексикона современных религиоведов и культурологов, занимающихся проблемой христианской проповеди в Китае³, т.н. миссиологией (т.е. учением о миссионерской деятельности, ее принципах и методах). В этом смысле целесообразно дать определение инкультурации *a contrario*, через сопоставление с его оппозицией, аккультурацией. В целом можно выделить два типа соприкосновения культур – аккультурация и инкультурация. Под **аккультурацией** понимаются процесс внедрения культурной традиции извне в инородный социально-культурный контекст, причем первая при слиянии с автохтонной культурой занимает доминирующее положение. **Инкультурацией** принято считать соприкосновение различных культур в такой форме, что в процессе ассимиляции инородные свойства привнесенной культуры либо исчезают, либо приобретают туземный вид⁴. Кроме того, некоторые исследователи предлагают рассматривать инкультурируемую традицию (в данном случае, христианство) в трех аспектах: а) **контекстуализированном**, т.е. когда туземные системы и понятия используются для трансляции и объяснения инородного учения, б) **отуземленном**, когда в инкультурируемое учение начинают проникать автохтонные элементы, и зачастую следующее поколение проповедников (преимущественно, туземцев) уже не может вычленивать местные черты как несвойственные

надлежности (к такому типу учений относятся христианство, ислам и буддизм); в противоположность эволютивной «свертывающаяся» модель (*инволютивная*, лат. *involutio*) не предполагает массовой миссионерской деятельности, но ограничивается родовыми, классовыми или этническими рамками (к такому типу учений относятся иудаизм, индуизм, синтоизм). Манихейство, соответственно, относится к первому, *эволютивному*, типу.

²Примитивного в смысле «первобытного»; речь здесь идет о культе предков, различных аграрных, астральных и т.д. культах, на смену которым приходят т.н. религии спасения.

³См., например, *Schineller P.* A Handbook on Inculturation. – NY, 1990; *Shorter A.* Toward a Theology of Inculturation. – Maryknoll, NY, 1988.

⁴Более подробно инкультурация применительно к христианству рассмотрена в статье: *Сю Хаймао.* От христианизации конфуцианства к инкультурации христианства в Китае // Китайский благовестник 2003–2004, с.61–87, пер. с нем. А.Г. Александяна.

инкультурируемому учению, и в) **местно-укорененном**, когда происходит взаимопроникновение, т.е. элементы инородной культуры естественно проникают в туземный культурный контекст, а местные представления достаточно плотно пронизывают эту инородную инкультурируемую культуру [Сю Хайтао 2003–2004, с.77–78]. Наиболее сложно четко дифференцировать два последних аспекта, т.к. они достаточно тесно связаны между собой, а скорее всего представляют собой последовательные стадии одного аспекта. Исходя из всего этого, нам представляется необходимым внести некоторые поправки и дополнения к данной схеме: 1) процесс инкультурации должен рассматриваться не только на примере христианства в Китае, но также и на примере манихейства, которое в течение ряда веков просуществовало в этой стране, выжив в многочисленных войнах и религиозных преследованиях, и, более того, оставило письменные памятники на китайском языке, что свидетельствует о достаточно успешной миссионерской деятельности⁵; 2) три вышеприведенных аспекта разумно будет рассматривать как последовательные стадии инкультурационного процесса, а не как дискретные пункты проповеднической деятельности, не связанные или слабо связанные друг с другом (о чем, в частности, говорит китайский автор [Сю Хайтао 2003–2004, с.74–81]).

Манихейство, вне всякого сомнения, является одним из уникальных религиозно-философских феноменов, интерес к которым ученых вынуждает последних создавать целые междисциплинарные отрасли исследований; причин же уникальности этого явления несколько. Первая, и, пожалуй, самая главная – это то, что манихейство, будучи, по сути, маргинальным вероучением (классифицируемым как «ересь» равным образом и в регионах распространения авраамических религий, – в частности, христианства и ислама, – и в Иране, где господствовал зороастризм, и собственно в Китае, с преобладанием там буддизма), смогло со временем выйти на уровень мировых религий, с той лишь разницей, что стало именоваться «мировой ересью» [Смагина 1998, 44].

Вторая причина, видимо, не менее важная, заключается в том, что манихейство представляло из себя учение синкретического характера (вслед за отечественным исследователем Е.Б. Смагиной под термином «синкретический» по отношению к манихейству мы понимаем не механический «сплав» разнородных элементов, но непротиворечивую

⁵Т.к. наличие текстов на китайском служит прямым доказательством, что манихейство ориентировалось не на узкие этнические группы (например, выходцев из Согда, Парфии и т.д.), а на синоязычное население.

и в целом последовательную систему религиозно-философских взглядов), сочетавшее в себе философско-религиозные воззрения зороастризма (бинарная оппозиция Света и Тьмы), этико-догматические установки неортодоксального иудаизма (элхасайты) и раннего христианства (аскеза, ритуальная чистота, установление института монашества, иерархическая структурированность), космолого-антропологическую модель некоторых позднеантичных философских направлений и гностицизма (в его сирийском варианте), буддийскую концепцию реинкарнации (некоторые исследователи допускают не буддийское, а скорее античное происхождение идеи перевоплощения, т.н. «метемпсихоз»).

Третьей причиной, заставившей ученых разных направлений (от филологов-классиков и востоковедов до историков и религиоведов) тщательнейшим образом исследовать феномен манихейства, стала, на наш взгляд, его необычайная адаптивность, некоторая «смазанность» границ, легко позволявшая этому религиозно-философскому учению инкорпорироваться в некоторые гетеродоксальные направления буддизма, даосские секты и тайные общества в Китае, а в Средние века на Западе трансформироваться в еретические, правда, но весьма «серьезные» (как по своему размаху, так и реакции официальных церковных и светских властей) течения катаров, богомилов и пр. Благодаря «переводимости» своих основных концептов и персоналий на язык культуры «окормляемой», если так можно выразиться, страны, манихейство довольно быстро внедрялось преимущественно в низшие слои населения, не забывая при этом и о т.н. миссионерстве «сверху», т.е. пытаясь добиться благорасположения официальных властей (что удалось, в частности, в Китае: вынужденные считаться со статусом манихейства как религии «освободителей»-уйгуров, власти отдали в 768 г. приказ о строительстве манихейского храма, которому было пожаловано название «Даюнь гуанмин» – «Великий облачный свет»).

До последних археологических открытий исследователи практически не обладали оригинальной источниковедческой базой, обращаясь к второстепенным источникам (трудом ересиологов и полемистов). Картина изменилась, когда в результате турфанских экспедиций 1898–1916 гг. были открыты аутентичные манихейские тексты (большинство – во фрагментарном состоянии, относящиеся en masse к VIII веку), написанных преимущественно на китайском, среднеперсидском, парфянском, уйгурском и согдийском языках и представляющих собой памятники гимнографического, литургического, агиографического и церковно-исторического характера.

Такова источниковедческая база, все тексты которой в той или иной степени важны для изучения и реконструкции манихейской доктрины, биографии основателя этого учения и истории манихейской «церкви». Ценность их очевидна еще и потому, что в манихействе текст «играл основополагающую роль с самого начала (курсив наш – Авт.)» [Смагина 1995, 85]. Разумеется, новооткрытые тексты неравноценны: например, турфанские тексты обширнее и разнообразнее коптских, но по сравнению с ними и более фрагментарны (не говоря уже о позднем периоде, в который они были написаны). Ересологические христианские и мусульманские источники более систематичны и связаны, хотя зачастую и недостоверны (или вообще смешивают манихейство с не относящимися к нему ересями и сектами). Китайские тексты, интересующие нас, обладают определенной доктринальной ценностью, хотя и претерпели буддийское влияние. Еще раз хочется подчеркнуть ту важную, если не сказать ведущую роль, которую в манихействе играл текст: само учение было сформировано на основе текстового материала⁶.

Источники в большинстве своем сильно расходятся по вопросу о дате рождения Мани, что заставило различных исследователей (В. Хеннинга, С.Х. Тагизаде, А.-Ш. Пюэш, О. Клима и др.) всерьез заняться изучением и сопоставлением сведений, приводимых в источниках. В результате исследования стала очевидна достаточно точная дата рождения основателя манихейства – 14 апреля 216 г. (согласно «Краткому изложению учения Мани Будды света» – в «восьмой день второго месяца тринадцатого года царствования под девизом Цзянь-ань императора Сянь-ди из династии [Восточная] Хань», т.е. 12 марта 208 г. н.э.). Парфянская держава к этому времени перестала быть централизованным государством – на окраинах и в коренных иранских областях сидели полунезависимые, а порой и полностью самостоятельные правители. Страну, помимо всего прочего, раздирали внутренние смуты. Отличительной особенностью этого периода является религиозный плюрализм (наряду с зороастризмом существует христианство, гностицизм, митраизм, иудаизм и даже буддизм), создавший, вне всякого сомнения, благоприятную почву для зарождения манихейства – мировоззрения, как уже было сказано выше, исключительно синкретического. Мани родился в Вавилонии, в семье последователя элхасайтского учения по имени Патик (в китай-

⁶Подробный обзор исследований на западных, китайском и японском языках см.: Александян А. Источниковедение и историография манихейства в Китае (обзор западных и китайских источников) // Проблемы Дальнего Востока, № 2, 2007, с. 144–158.

ской версии Ба-ди). Некоторые источники (в частности китайские) приписывают отцу (а иногда и матери) царское происхождение («Краткое изложение. . .» называет Патика-Ба-ди правителем «царства Су-линь»), хотя большинство исследователей оспаривает это, полагая, что подобная «романтизация» образа Мани является позднейшей интерполяцией, подражающей царскому происхождению основателей мировых религий – Будды и Иисуса Христа.

Мани воспитывался в иудейско-христианской общине элхасаитов, отличавшихся крайним аскетизмом, проповедью безбрачия и вегетарианства. Прожив в общине примерно до возраста 24 лет, Мани пережил озарение – ему явился небесный «близнец», божественный двойник, сообщивший, что он призван принести в мир настоящую, изначальную религию универсального характера (примечательно, что «Краткое изложение. . .» говорит о ниспосланном божествами Солнца и Луны духе, наделившем все тело Мани благодатью света). Проповедь новоиспеченного пророка была встречена единоверцами весьма враждебно, в результате чего он вынужден был покинуть общину. За ним последовали отец и несколько его товарищей. С этого началась его миссионерская деятельность: сначала он посетил Селевкию-Ктесифон, затем Армению, Северную Индию, после чего вернулся обратно в Иран. Это путешествие, длившееся два года (240–242), принесло Мани новых последователей и стимулировало его к написанию нескольких книг. За этим следует успешная проповедь при дворе Шапура I, в результате которой Мани был наделен охранной грамотой, позволявшей проповедь во всех областях империи.

После прихода к власти Бахрама I, бывшего ревнителем зороастризма, Мани схватывают и бросают в темницу. Пробыв там примерно месяц, забитый в колодки и закованный в цепи, Мани умирает (существует версия его мученической кончины; наиболее достоверная дата – 20 марта 276 года, китайский источник говорит о «четвертом дне первого месяца второго года царствования династии Цзинь под девизом Тайши»). После смерти Мани манихейскую церковь возглавляет его ученик и преемник Сисиний, погибший в результате гонений; его сменил другой ученик Мани – Иннай. В период V–VI вв. манихейство переживает раскол. Распространение его имело широкий размах: в VI веке общины имеются в Риме, Сев.Африке, Греции, Испании, Италии, Галлии; на Востоке они распространены по всей Сасанидской империи, в Центральной Азии и, наконец, в Китае, где манихейство просуществовало до XIV века.

Остановимся подробнее на том, что же собственно представляет из себя эта религиозно-философская система. Реконструкция учения Мани основывается как на первоисточниках (о которых речь пойдет ниже), так и на сведениях авторов антиманихейской направленности. У последних вероучение изложено более систематично и сжато. Манихейский канон составляют семь книг, написанных, по преданию, самим Мани на арамейском языке (исключение составляет упоминавшийся выше «Шапуракан», составленный на среднеперсидском). Ни одна из приводимых в перечне книг не дошла полностью, все они сохранились лишь во фрагментарном состоянии. Обычно манихейский канон перечисляется в следующем порядке:

I. «Живое евангелие» – основной труд по манихейской космогонии (в китайском варианте – *Да ин лунь*, в переводе значит «Канон премудрости, постигающей корни всего сущего»);

II. «Сокровищница (либо: Сокровище) жизни», посвященная очищению света от мрака в душе человека и носящая сотериологический характер (в китайском варианте – *Сюнь ти хэ*, в переводе значит «Канон сокровища чистой жизни»);

III. «Прагматейя» (греч. «Трактат»), содержание которой остается неизвестным, т.к. от этого труда не сохранилось никаких цитат или фрагментов (в китайском варианте – *Бо цзя ма ди е*, в переводе значит «Канон изъяснения и доказательства прошлых воплощений»);

IV. «Книга таинств» носит экзегетический и полемический (против еретика Вардесана) характер (в китайском варианте – *А ло цзань*, в переводе значит «Канон-сокровищница тайного учения»);

V. «Книга исполинов», являющаяся одной из версий ветхозаветного апокрифа «Книги Еноха» (в китайском варианте – *Цзюй хуань*, в переводе значит «Канон исполинов»);

VI. «Послания» Мани к различным лицам, содержащие толкования и ответы на различные вопросы (в китайской версии, вероятно, *Ни вань*, в переводе значит «Канон-сокровищница уставов», еще она называется «Канон-сокровищница исцеления»);

VII. «Псалмы» (в китайском варианте – *А фу инь*, в переводе значит «Канон гимнов и обетов»).

Кроме этого «семикнижия» существовали и другие книги: упомянутый выше «Шапуракан», книга «Аржанг» (Образ), содержащая иллюстрации самого Мани к разным положениям вероучения (возможно идентифицировать его с упоминаемым в «Кратком изложении. . .» *Да мэн хэ и*, в переводе значит «Скрижаль двух великих начал»). Дошли до нас и

фрагменты некоторых малоизвестных и не упоминаемых ересиологами книг: коптские «Главы» («Кефалайа»), «Гомилии», тюркский «Хваства-нифт» и др.

Как гласит «Краткое изложение учения Мани Будды света» [Линь Ушу 1997, 285], «изначально различаются два начала. Тот, кто стремится уйти от мира, должен знать о Свете и Мраке [как о двух] началах», сущности которых полностью отличны друг от друга. Далее, он должен знать, что существует три периода: изначальный, средний и грядущий. Итак, космическая «драма» с участием двух начал разыгрывается в рамках трех этих времен.

В изначальное время, когда еще не было ни неба, ни земли, существовали только два начала – доброе (обитающее в области Света и именуемое Отцом Величия) и злое (пребывающее в Области Тьмы и называемое Властителем Мрака). Отец Величия обладает божественными качествами и его престол окружают двенадцать Эонов (божественных эманаций), разделенных на три группы по четыре Эона. От них исходят Эоны Эонов, всего числом 144. В качестве супруги Отца Величия выступает Живой Дух, вдыхающий жизнь в Область Света, состоящую из пяти элементов (воздух, ветер, свет, вода и огонь).

Областью мрака владеет Владыка Тьмы, персонификация злого начала. Область поделена на пять миров – мир дыма, населенный двуногими демонами, мир огня – четвероногими, мир ветра – крылатыми, мир воды – плавающими и мир тьмы – пресмыкающимися. Каждый из этих миров (ср. буддийский миры духов-прета, скотов и пр.) управляется архонтом-правителем, имеющим облик соответственно демона, льва, орла, рыбы и дракона. В целом злое начало символизирует Материю. Необходимо заметить, что топография двух областей (тьмы и света) вертикальная: свет вверху, тьма внизу. Область света простирается на север, запад и восток (и, соответственно, вверх), тогда как область мрака занимает юг и низ. Демоны одного из миров Области мрака увидели Область света и возжелали смешаться со светлым началом. Вся Материя, обозначаемая как силы Тьмы, устремилась к Области света. Этим нападением было начато среднее, т.е. настоящее время.

Для отражения нагиска Материи Отец Величия производит из себя группу божеств, в числе них – Первочеловека, который и нисходит в область, захваченную силами тьмы. Оттеснив тьму-материю, Первочеловек сам «заражается» ею, в результате чего возникает необходимость своеобразного «апокатастасиса», т.е. очищения и восстановления изначальной и нарушенной в результате соприкосновения с мраком-материей

гармонии в Первочеловеке (=человечество). Во имя спасения божественной природы души человека к нему посылается Иисус Света (в сирийской версии), просвещающий и наставляющий человека, давая ему заповеди (среди которых, между прочим, и запрет на деторождение: порождая детей, по учению Мани, человек рассеивает сконцентрированные в нем частицы света). Итак, Материя-тьма (=тело) является оковами и злейшим врагом души, олицетворяющей свет. Идет борьба Света и тьмы в самом человеке, который может спастись только следуя наставлениям божественного посланца-Нуса (Ума, Иисуса Света, затем самого Мани).

Структура манихейской общины такова: верующие делятся на две категории – «избранники», выбираемые в руководители манихейской церкви, и «слушатели», составляющие основное ядро верующих. Манихейская иерархия следующая: во главе стоит Учитель (ученик Мани), затем 12 апостолов, 72 епископа, 360 старейшин («пресвитеров») и, наконец, «слушатели», рядовые верующие. «Избранники» выполняли роль «божественных посредников», отправляя таинства, следя за выполнением предписанных заповедей, тогда как «слушатели» «обслуживали» их. После смерти, по представлениям манихеев, души «избранников» сразу вознесутся в Область Света и займут там должное место в почете и славе, а души «слушателей» вынуждены будут пройти круг реинкарнации, воплотившись сперва в тела животных, а затем – растений, и только потом – в тела «избранников». Не-манихеев ждет вечное проклятие.

Финальный момент космической драмы, последнее, будущее время носит эсхатологический характер. После окончательного отделения света от тьмы война прекратится и оба начала займут свое исходное, независимое друг от друга положение (в «Кратком изложении. . .» это звучит так: «истина и ложь вернутся к [своим] истокам: свет вернется к Великому Свету, а тьма также вернется к Древнему Мраку. Два [эти] начала восстановятся, оба вернутся [к своему изначальному состоянию]»). Вот вкратце очерк манихейской доктрины. Как можно видеть, она носит эклектический характер, содержа и переработав в себе элементы гностицизма, христианства, буддизма и зороастризма, и представляет собой, как было отмечено выше, синкретическое учение, разнородные элементы которого «складываются в целостную, непротиворечивую систему» [Смагина 1995, 94].

Теперь перейдем непосредственно к интересующей нас теме – манихейству в Китае. Современные исследователи манихейства в Китае располагают открытыми в начале XX в. рукописями на китайском языке,

благодаря чему собственно и было начато изучение этого религиозно-философского феномена именно на китайской почве. Рукописи были обнаружены в Дуньхуане в пещерном комплексе среди множества буддийских манускриптов, спрятанных здесь с целью сохранить ценные трактаты от тангутских мародеров. Относительно характера этих текстов среди исследователей нет единого мнения, хотя в целом можно выделить два направления: те, кто считает, что автор(ы) этих трактатов не были китайцами (С. Лю), и те, кто полагает, что произведения написаны не только китайцами-манихеями, но еще имеют свой авторский стиль (Линь Ушу).

Западные исследователи (в частности, Сэмюэл Лю) говорят о «восточной трансформации манихейства», подразумевая под этим ассимиляцию (читай «подстройку») под автохтонные религиозные системы тех регионов, где проповедовалось манихейство. Эта «трансформация» началась еще при жизни Мани. В Китае ассимиляция (хотя правильнее в данном случае говорить об инкультурации) происходила по двум основным векторам – буддизм (в частности – использование терминологии) и даосизм (апелляция к т.н. про-даосскому (вопрос о его происхождении пока еще не решен окончательно; исследователи склоняются к версии о том, что это произведение было сфабриковано буддистами) трактату «Лао-цзы хуаху цзин» – «Трактат о том, как Лао-цзы проповедовал варварам»). Разумеется, подобные методы (например, заявление манихеев о том, что истинный Будда – это пророк Мани) вызывали со стороны буддизма резкие нападки и критику (буддизм поспешил «откреститься» от новоиспеченных «собратьев», каковыми пытались представить свое учение манихеи, и записал их в ряды *вайдао*, т.е. еретиков). С даосизмом дело обстояло сложнее, поскольку он был менее иерархически структурирован. В целом, нужно отметить, что по сравнению с зороастризмом и несторианством манихейство было гораздо более успешным, о чем говорит хотя бы такой факт – оно продержалось в южных областях Китая до XVI в., причиной чего была удачная инкультурация.

Свой путь в Китай манихейство начинает через Трансоксанию в период с IV до VII вв. Сохранилась легенда о беседе манихейского апостола Мар Аммо с духом-стражем Багардом, который заявил, что в землях, находящихся под его покровительством, нет недостатка в людях, подобных Мар Аммо. На это апостол, наученный явившимся ему во сне Мани, отвечал, что он – посланец истинной веры, после чего дух границы пропустил его. В седьмом веке на востоке действительно имела место отделившаяся в результате раскола манихейская община, считавшая своим «историческим» основателем Мар Аммо. Прекратив контакты с

вавилонской общиной, «восточное отделение» продолжало миссионерскую деятельность к востоку от Амударьи и, по всей видимости, частично касалось границ Китая.

Конец шестого – начало седьмого веков характеризуется как консолидацией Китая при династиях Суй и Тан, так и связями с Персией и Центральной Азией (после падения Сасанидской династии многие знатные персы бежали в Китай). Что касается согдийцев, то они играли роль посредников в торговых и дипломатических отношениях между Китаем и Персией, хотя нельзя сказать, что правители Самарканда испытывали симпатию к манихейству (тем не менее, как уже было сказано, манихейские общины здесь имелись, а соседний правитель уйгуров был обращен в манихейство и оказывал поддержку ему в Самарканде). Во всяком случае, несомненным остается тот факт, что начало манихейской миссии на востоке тесно связано с подъемом торговли в шестом веке. Первые контакты манихейства с Китаем осуществлялись при посредничестве согдийцев, принимавших участие в роли толмачей в различных торговых операциях. Китайская манихейская традиция сохранила предание о том, что распространение этой религии относится к периоду правления Танской династии (конкретнее, в период с 650 по 683 гг.), хотя официальное первое появление манихейского проповедника Михр-Ормузда относится ко времени правления императрицы У Цзэтянь (684–704 гг.), когда он изложил ей суть учения и книг священного канона. Ряд волнений в Шести провинциях в 721 г. заставил китайское правительство внимательнее следить за иноземцами и их общинами, что накладывало на манихейство ограничение в распространении только среди иноземцев (в 731 г. манихейские священнослужители были вызваны ко двору и принесли с собой текст *summa theologiae* манихейского вероучения, ныне известного как «Краткое изложение вероучения Мани, Будды света») (*Мони гуанфо цзяофа илюэ*). Учение «Момони» (т.е. *мар Мани*, владыки Мани) было признано еретическим и несправедливо именуящим себя учением буддийским, впрочем «как последователи учителя западных варваров, они живут по своим уставам и не заслуживают наказания» [Кафаров 1877/2001, 74].

До девятого века (т.е. до периода гонений) манихейство существовало на легальных условиях, причиной чему явилось восстание Ань Лушаня (755 г.) и последовавшая за ним продолжительная борьба за обе столицы – Лоян и Чанъань. Мятеж был подавлен с помощью «варварских» войск (в т.ч. уйгурской конницы), освободивших в 762 г. Лоян (примечательно, что среди встречавших победителей был и согдийский мани-

хейский священнослужитель). Уйгурский Бёгю-хан исповедовал манихейство и таким образом танское правительство вынуждено было считаться с религией «освободителей». В 768 г. было повелено построить в столице монастырь, и государь пожаловал ему наименование *Даюнь гуанмин* – Великий облачный свет [Кафаров 1877/2001, 74]. Несмотря на строительство манихейских храмов (дабы угодить уйгурам), танское правительство надеялось, что распространение новой религии ограничится иноземцами, т.к. местное население станет рассматривать ее как чуждую форму верований (надежды эти, впрочем, были несостоятельны). В 843 г. обостряется негативное отношение к манихейству – в императорском послании к уйгурскому кагану сообщалось о временном закрытии храмов *Мони* (манихеев), а в качестве причины приводился тот аргумент, что манихейство официально запрещено и считается сугубо уйгурской религией. В это же примерно время происходит убийство семидесяти двух монахинь-*мони* [Кафаров 1877/2001, 74].

Гонения на буддизм и на иноземные религии вообще, проводимые танским правительством, поставили манихейство на уровень религии «вне закона». Тот факт, что это вероучение просуществовало в южных районах Китая и после падения династии Тан, доказывает невероятную адаптивность и гибкость этой системы. В т.н. период Пяти династий (907–960) манихейство оттесняется из центра на периферию (ср. сообщение о манихейском проповеднике (*хулу фаши*), бежавшим из столицы от преследования властей в район Фуцина, собравшем вокруг себя учеников и распространявшем вероучение по территории провинции Фуцзянь [Lieu 1985, 221]). Буддийские хронисты упоминают о возмущении *Мони* в г. Чэньчжоу в 920 г. и о провозглашении ими некоего У И императором (бунт этот был жестоко подавлен властями династии Поздняя Лян [Кафаров 1877/2001, 74]). Имели место волнения при Поздней Тан (повстанцы описывались как демонопоклонники, почитающие свое учение верховнейшей по сравнению с буддизмом колесницей [Кафаров, там же; Lieu 1985, 222]). После падения танской династии и последовавшими за тем смутами и сменой династий манихейство на севере Китая постепенно замирает. Новым центром его активности становится Южный Китай (Фуцзянь и близлежащие провинции), где манихейские жрецы пользуются большим авторитетом как астрологи и маги (так, например, еще в период танской династии им было повелено молиться о дожде [Кафаров 1877/2001, 74; Lieu 1985, 224]).

В период правления сунской династии манихейство (именуемое *минцзяо* – Учение света) завершает процесс «китаизации», и его пред-

ставители совершают свои ритуалы под видом одной из даосских сект [Lieu 1985, 224]. Причина этого заключается в том, что даосизм по сравнению с буддизмом был менее структурирован иерархически и характеризовался доктринальными расхождениями в разных школах. Кроме того, процесс «вливания» манихейства в даосизм объясняется еще и покровительством, которое оказывали последнему раннесунские императоры – тем самым манихейским текстам, вошедшим в даосский свод, была гарантирована сохранность от конфискации. Таким образом в даосский канон в XI веке оказалась включена «Сутра о двух началах и трех периодах» (*Эрицунь саньци цзин*), в одном случае атрибутируемая как перевод центральноазиатской версии «Шапуракана», в другом – как альтернативное название «Краткого изложения...» [Lieu 1985, 226]. Хотя говорить о точной дате исчезновения «Сутры о двух началах и трех периодах» не представляется возможным (правда, некоторые буддийские историки называли эту сутру неканонической), тем не менее факт присутствия этого произведения в списке даосского канона при южно-сунской династии свидетельствует о том, что манихеи занимали не такое уж нелегальное место в этот период.

Интересно отметить, что при династии Южная Сун гонения на манихеев продолжают (как, впрочем, и нападки со стороны даосов и буддистов), тогда как при монголах (1280–1368) отношение к манихеям гораздо более толерантное (о чем свидетельствует такой факт, как посещение Марко Поло «молельного дома» манихеев в 1292 г. в Фуцзяне. Примечательно, что в период монгольского правления в провинции Цюань на холме Хуабяо было возведено святилище, посвященное Мани, Будде света с девизом – «Чистота, свет, сила, мудрость и Мани, Будда света») [Lieu 1985, 257].

При династии Мин гонения возобновлены (эдикт 1370 г.), т.к. император Чжу Юаньчжан (сам начинавший как участник секты) посчитал название манихейства «учением света» (*минцзяо*) прямым вызовом девизу его правления – *Мин чжао* (Династия света). Китайский исследователь У Хань предполагает, что секта, к которой принадлежал будущий основатель династии Мин, если не была манихейской, то несомненно находилась под влиянием этого вероучения [там же, 260–261]. Весьма характерно, что ученые-конфуцианцы того времени знали о манихействе достаточно много и довольно точно отражали факты: приводилось жизнеописание Мани, основные доктринальные положения, давалась этимология (хотя и фантастическая) его имени. Все это еще раз подтверждает такую удивительную «самоидентификацию» китайского манихейства,

сохранившегося в Южном Китае приблизительно до 1600 года. Позднее, правда, наименование «Учение света» ошибочно закрепилось учеными-конфуцианцами за несториянством. Тем не менее историки цинской династии еще помнят, что манихейство танского периода не было разновидностью буддизма (хотя, разумеется, немногие ученые связывали его с южнокитайским «учением света»). Что же касается единственного дошедшего до нас материального памятника этой религии в Китае – святилища на холме Хуабяо, – то в начале XX-го века оно перешло к буддистам, наивно полагавшим, что посвящение *Мони* означает Муни, т.е. Будда Шакьямуни.

Подведем некоторые итоги. С учетом вышеизложенного очевидно, что манихейство в Китае представляло собой особый феномен, оказавший так или иначе влияние на общественную и религиозную жизнь страны, что весьма нехарактерно для «трех варварских религий» (несториянства, зороастризма и собственно манихейства).

Узловыми вопросами в исследовании этого феномена следует считать вопрос о процессе инкультурации раннего и позднего манихейства и его ассимиляции (в первом случае с буддизмом и даосизмом, во втором – с народными сектами), вопрос о взаимовлиянии манихейства и автохтонных религиозно-философских представлений, вопрос о месте манихейства и его приверженцев в китайском обществе.

Все изложенные выше факты свидетельствуют в пользу, с одной стороны, исключительной гибкости и адаптивности манихейства и способности к конвергенции (что особенно видно в такой самобытной стране, как Китай), а с другой – в пользу того, что манихейство оперировало с такими близкими китайскому сознанию областями, как нумерология, астрологические представления, бинарные оппозиции и т.д.

Литература

Кафаров 1877/2001 – *Палладий (Кафаров), архимандрит*. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. СПб, 1877 (переизд.: Китайский благовестник, №1, 2001, С.36–82).

Смагина 1995 – *Смагина Е.Б.* Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995.

Смагина 1998 – «Кефалайя» (Главы). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.

Lieu 1985 – *Lieu S.N.C. Manichaeism in the later Roman Empire and Medieval China. A historical survey.* Manchester, 1985.

Ван Цзяньчуань. Цун Мони цзяо дао минцзяо (От манихейства к Учению света). Тайбэй. 1991.

Линь Ушу. Мони цзяо цзи ци дун цзянь (Манихейство и его распространение на Восток). Тайбэй, 1997.

Краткое изложение учения Мани, Будды света¹

В восьмой день шестого месяца девятнадцатого года правления под девизом Кай-юань благочестивый епископ получил высочайшее повеление сделать перевод [сего произведения] в Павильоне Собрания мудрецов.

1. [О] перерождении [Будды Мани], его родине, звании и учении.

*Фоисэдэулуиэнь*² – [так звучит на] языке³ его родины [его имя]; в переводе значит «Посланец света». Еще он именуется «всеведущий Князь закона»⁴; также его называют «Мани – Будда света». [Все это] – различные наименования преображенного истинного тела нашего премудрого высочайшего Царя-врачевателя. Когда [ему] надлежало явиться в мир, то оба светила⁵ ниспослали [ему] дух наделив светом три члена [тела]; по причине [своего] великого сострадания [к людям] он вступил в противоборство с полчищами демона Мары. Он самолично получил ясные наставления от [самого] Владыки света, затем воплотился вновь, – поэтому он именуется «Посланцем света». Он мудр, ясен, прозорлив,

¹ © Перевод с китайского и комментарии А.Г. Алексаняна.

² Китайская транскрипция древнеперсидского *frēstag rōšan*, «посланник света».

³ Букв. «на санскрите».

⁴ Один из эпитетов Будды.

⁵ Т.е. Солнце и Луна.

упорен и весьма искусен в ведении споров, – оттого его называют «всеведущий Князь закона». Пустота [его] соответствует святым божествам, прозрение [его] пронизывает [все] и исследует до последних пределов, – потому он зовется «Мани – Будда света». Благодаря свету он проникает во внутреннее и во внешнее; благодаря всеведению он постигает людей и небожителей; благодаря непревзойденности он пребывает высоко и в почете; благодаря тому, что является Царем-врачевателем, он распространяет [повсюду] лекарство Закона⁶ (т.е. своего учения). Когда Лао-цзюнь воплотился [во чреве матери], солнце изливало свое сияние; когда Шакьямуни зачинался, диск солнца соответствовал его облику. Так в чем же различаться трем этим совершенномудрым⁷, обладающим [единой] духовной первоосновой? Сохранив [свою] совершенную природу, все они один за другим постигли Истинный Путь. Согласно тогдашнему [персидскому]⁸ календарю от начала мироздания существует двенадцать констелляций, разделяющих и управляющих эпохами. В одиннадцатую констелляцию под названием *но*, управлявшую двести двадцать седьмым годом, родился Шакьямуни. В двенадцатую констелляцию, именуемую *мо се*, которая управляла пятьсот двадцать седьмым годом, во дворце [правителя] царства *Сулинь* [по имени] *Бади* родился Мани, Будда света; его родила жена [царя Бади] *Маньянь* из рода *Цзиньсацзянь*. [То, когда] он родился по [персидскому] календарю, соответствует восьмому дню второго месяца тринадцатого года царствования под девизом *Цзяньань* императора *Сянь-ди* из династии [Восточная] *Хань*⁹; следовательно, [эти даты] совпадают. Что же касается того, что [благодаря] врожденным качествам и небесным предсказаниям, а также [благодаря] посту и строгому воздержанию [его мать] зачала, – [то все это] берет свое начало в его чистоте. То, что [он] родился из [ее] груди, возвысился над миром и отличался [от остальных людей], [то, что] девять раз [у него] были проверены божественные приметы и пять раз сбывлись божественные предзнаменования, – [все это означает, что] рождение [его] не было обычным. Также благодаря трем обетам, четырем покоям, пяти истинам, восьми видам бесстрашия [и] вообще всем добродетелям он превосходит [всякое] слово; у небожителей и людей он забирает страдание и дает [взамен] радость, приводя к добродетели. [Ибо] если бы [это] было не так, [то] почему же он во плоти родился в царском дворце, обладая

⁶ Лекарство Дхармы.

⁷ Т.е. Лао-цзы, Будде и Мани.

⁸ Восстановлено условно.

⁹ 12 марта 208 н.э.

твердостью духа и умом [, позволяющим постичь] путь [к спасению], истинной основой светлого учения, удивительной и чистой мудростью, совершенной и неповторимой сущностью, охватывая *цян*ь и *кун*ь, проникая солнце и луну? Он открыл великую истину о двух началах; показал особенность своей природы; последовательно изложил [учение] о трех периодах; четко распределил беспорядочное скопление причин и следствий. Он наказывает злых и помогает добродетельным¹⁰; преграждает путь мутной воде и расчищает дорогу чистому потоку¹¹. Его слова – просты, его законы – истинны, его поступки – правильны, его доказательства – верны. В течение шестидесяти лет он проповедовал [в разных местах], сообразуясь с местными условиями. Ощущением четырех святостей он внушал благоговение, передачею [своим последователям] семи книг создал ладью [спасения]; в соответствии трем дворцам он учредил трех старейшин, а взяв за образец пять светов, создал пять степеней [среди своих последователей]. Чудесные врата [его] учения необычны, [а их] благословение касается и новорожденных, и умерших.

В *Махамайя-сутре* сказано: «Спустя тысячу триста лет после ухода Будды в нирвану *кашья*¹² сделалась белой [и более] не меняла цвета». В *Гуань фо сань мэи хай цзине* сказано: «Когда Мани, Будда света, явился в мире, [то он] совершал дело Будды тем, что даровал свет». *Лао-цзы хуа ху цзин* гласит: «Перенесясь на дыхании Дао самоестественного Света в государство *Сулинь* царя *Сина*, я появлюсь там как наследник [этого царя], отрекусь от семейной жизни, буду именоваться Мани; стану вращать колесо Великого закона, наставлять писаниями, заповедями, уставами, созерцанием и мудростью, [буду проповедовать учение] о трех периодах и двух началах. И всякое живое существо – от Царства Света наверху до [области] мрака внизу – обретет таким образом спасение. По прошествии пятью девять лет после Мани учение мое станет процветать». Пятью девять [будет] сорок пять, [то есть спустя] четыреста пятьдесят лет [его] учение и наставления [достигнут] Китая. На четвертый день первого месяца второго года царствования династии Цзинь под девизом Тай-ши [Мани] оставил земную оболочку и отошел к истинному покою. Учение [его] распространилось по всем странам и привлекло к себе [местных] жителей. С периода царствования династии Цзинь под девизом Тай-ши до нынешнего времени – девятнадцатого года царство-

¹⁰ Букв. «помогает правильным» (*ю чжэн*).

¹¹ Т.е. искореняет зло и насаждает добро.

¹² Кашья, рыса буддийского монаха из разноцветных лоскутьев.

вания под девизом Кай-юань [прошло] в итоге четыреста пятьдесят лет. Доказательства и приметы совпадают, следы святого очевидны.

[Его] учение изъясняет [два] начала и устраняет темное сомнение; оно раскрывает две различающиеся сущности. Поэтому в [одной] буддийской сутре сказано: «Если человек отбрасывает различия, то он нарушает все законы; и исповедующий [учение Будды] не должен находиться в одном месте с ним». Еще сказано: «Птица возвращается на небу, зверь возвращается в чащобу; истина восходит к различию, путь – к нирване». Не выяснив основ и корней, куда возвращаться и стремиться? [Если] поступки действительно истинны, то вознаграждение осуществляется в трех дворцах. [Когда] сущность покидает того, кто лишен света, то [ее] имя делается таким же. В этом учении [сие] называется «освобождение». Детальные части изложены вкратце, для того чтобы показать [как следует] совершенствоваться. Исходный [текст] весьма обстоятелен, этот же [пересказ] не столь подробен.

2. [О значении его] внешнего облика.

Нимб [над головой] Мани, Будды света, означает дивные образы двенадцати царей света, тело [его] соответствует Великому Свету, [оно] безмерно и таинственно. Чудесный облик [его] превосходит, нет равного [ему] ни среди людей, ни среди небожителей. То, что он облачен в белые одежды, символизирует четыре чистых тела закона; то, что он восседает на белом троне, означает пять золотых твердых земель. Соединение и разъединение двух миров, цели и устремления начального и последующего – [все это] заключено в истинном облике [Мани, Будды света]; изучив его, можно постигнуть [это]. Все обладающие святостью [его] образы и сотню и десять тысяч [его] достоинств и превосходств невозможно полностью изложить [здесь].

3. О канонических книгах и скрижали [манисеев].

Всего семь книг и одна скрижаль.

Первая книга, *Да ин лунь*¹³, в переводе значит «Канон премудрости, постигающей корни всего сущего».

Вторая книга, *Сюнь ти хэ*, в переводе значит «Канон сокровища чистой жизни».

¹³Т.е. великое (*да*) Евангелие (вероятно – транскрипция среднеперсидского *ewangelyōn zīndag*, «Живое Евангелие»)

Третья книга, *Ни вань*, в переводе значит «Канон-сокровищница уставов», еще она называется «Канон-сокровищница исцеления».

Четвертая книга, *А ло цзань*, в переводе значит «Канон-сокровищница тайного учения».

Пятая книга, *Бо цзя ма ди е*¹⁴, в переводе значит «Канон изъяснения и доказательства прошлых воплощений».

Шестая книга, *Цзюй хуань*, в переводе значит «Канон исполинов».

Седьмая книга, *А фу инь*, в переводе значит «Канон гимнов и обетов».

Скрижаль, *Да мэнь хэ и*, в переводе значит «Скрижаль двух великих начал».

Вышеназванные семь канонических книг вкупе со скрижалю Мани, Будда света, придя в мир, при поддержке всех святых и исполняя свое предназначение, передал пяти степеням [своих последователей] в день утверждения учения. В последовавшие [за тем] шестьдесят лет [он] проповедовал истинное учение, все ученики записали его, но этих [записей здесь] не приводится.

4. О пяти степенях [последователей Мани].

Первая степень, двенадцать *му шэ*, в переводе значит «получившие закон и наставляющие [правильному] пути»¹⁵.

Вторая степень, семьдесят два *са но сэ*, в переводе значит «служители закона-учения», еще называются *фу до дань* (т.е. епископы)¹⁶.

Третья степень, триста шестьдесят *мо си си дэ*, в переводе значит «распорядители зала Закона-учения»¹⁷.

Четвертая степень, *а ло хуань*, в переводе значит «все чистые и добродетельные люди»¹⁸.

Пятая степень, *ноу ша янь*, в переводе значит «чистые и верные слушатели»¹⁹.

¹⁴Транскрипция исходно греческого слова Πραγματεία – букв. Трактат, «Прагматия».

¹⁵Транскрипция древнеперсидского *možak*, его эквивалентом в *De haeresibus* блаженного Августина является *magister*.

¹⁶Древнеперсидское *ispasag*, лат. эквивалент – *episcopus*; *фу до дань* – транскрипция древнеперсидского *aftadan*.

¹⁷Транскрипция древнеперсидского *mahistag*, лат. – *presbyter*.

¹⁸Транскрипция древнеперсидского *ardawan*, лат. – *electi*.

¹⁹Древнеперсидское *niyōšagan*, лат. – *auditores*.

Вышеназванные [степени от] *а ло хуаней* и выше все носят белые головные уборы; только *ноу ша яням* позволено одеваться как [они одеваются] обычно. Если пять рангов [верующих] держатся вместе, соблюдают все наставления [и] твердо придерживаются заповедей, [то это] называется Путем избавления. Если *му шэ* нарушает заповеди, то он не может продолжать [давать свои] наставления; [даже] если он глубоко изучил [все] семь [канонических] книг, [его] красноречие замечательно, [но, тем не менее,] он совершает проступки, то пять рангов [верующих] не оказывают [ему] поддержки. [Ибо] как дерево, [когда] пышно расцветает, то причина всего [этого] в его корнях; если же корни слабы, то дерево непременно засохнет. [Когда] *а ло хуань* нарушает заповеди, на него смотрят как на мертвого, [это] ясно показывают, [чтобы] народ знал [об этом], и отлучают [его] от учения. Море хоть и весьма обширно, но мертвец не [сможет] обрести в нем прибежище навсегда. Если [кто-то] укрывает [его, т.е. нарушителя], то он также [повинен] в нарушении [заповедей] учения.

5. Об [устройстве] монастырей.

[В монастыре имеются следующие залы:] Зал канонических книг и скрижали, Зал поста и молитвы, Зал обрядов и покаяния, Зал оглашения, Зал [для] болящих монахов.

Вышеперечисленные пять залов населяют общины [последователь] учения [и в них они] совершенствуются в [достижении] доброй кармы. [Насельники монастыря] не могут отдельно [иметь] собственные покои, собственную кухню [и] собственный амбар. Каждодневно они едят постное, благочинно ожидают подаяния; если же подаяния нет, то [ради] насыщения [желудка они вынуждены] просить милостыню. Они пользуются [услугами] только слушателей, не имея ни слуг, ни шесть видов домашних животных²⁰, ни [чего-либо иного], не согласующегося с учением.

Каждый монастырь [на должности] главных [руководителей] избирает трех человек:

Первый – [это] *а фу инь са*²¹, в переводе значит «глава гимнов и обетов», он специально ведает тем, что касается учения.

²⁰Т.е. коров, овец, лошадей, собак, свиней, кур.

²¹Персидское *afrinsar*.

Второй – [это] *ху лу хуань*²², в переводе значит «глава наставлений в вере», он специально ведает поощрениями.

Третий – [это] *э хуань цзянь сай по сай*²³, в переводе значит «наблюдающий за луной», он специально ведает пожертвованиями и подаением. Все [монахи] обязаны следовать наставлениям [этих глав], они не имеют права [поступать] самовольно.

6. Об уходе от мира.

Изначально различаются два начала. Тот, кто стремится уйти от мира, должен знать о Свете и Мраке [как о двух] началах; [ибо] если он не уяснил себе [это], то как он будет совершенствоваться [в добродетели]?

Следующее, [что следует] знать, – [это] три периода: первый – изначальный период, второй – средний период, третий – последний период.

[Что касается] изначального периода, то [тогда] не было неба и земли, различались только Свет и Мрак. Природа Света – мудрая, природа Мрака – глупая. Нигде в [их] движении и покое нет ничего [такого], в чем бы они не противоречили друг другу.

[Что касается] среднего периода, тогда Мрак вторгся в [область] Света, дав волю своим страстям. Свет выступил и проник в [область] Мрака, приняв телесное обличие. Преисполнившись великим страданием, он [должен] отделиться от телесных оболочек, ища выхода из охваченного огнем дома²⁴. Тело страдает, дух спасается – [это] совершенное учение несомненно. [Но] когда ложь принимается за истину, кто решит внимать [его мудрым] наставлениям? [Поэтому] необходимо различать [истину от лжи] и отсекают [последнюю], стремясь отрешиться от мира.

[Что касается] последнего периода, то [тогда] дело поучения и наставления придет к своему концу, истина и ложь вернуться к [своим] истокам: свет вернется к Великому Свету, а тьма также вернется к Древнему Мраку. Два [эти] начала восстановятся, оба вернуться [к своему изначальному состоянию].

Следующее, [что следует] рассмотреть, – [это] четыре спокойные тела закона.

Четыре [тела] закона. . .

²²Персидское *xrōhawān*.

²³Гипотетически *ruwanagan ispasag*.

²⁴Буддийская метафора суетного, земного мира.